

**В.С. Зубков^{1, 2}, О.А. Митько¹, И.Ю. Слюсаренко³✉, Ю.В. Ширин⁴,
А.И. Поселянин², Е.В. Губенко¹, К.С. Бурашникова^{1, 3}**

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Хакасский государственный университет
Абакан, Россия

³Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

⁴Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемерово, Россия
E-mail: slig1963@yandex.ru

**Результаты раскопок
таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3
(Боградский район Республики Хакасия)
в полевом сезоне 2025 года**

Статья посвящена результатам продолжавшихся полевых исследований интенсивно разрушающегося таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3, расположенного в Боградском р-не Республики Хакасия. На каменном пляже берега были зафиксированы отдельные кости скелета взрослого человека из рухнувшего с берегового обрыва захоронения. В раскопе VII выявлено две грунтовые могилы. Могила 1 оказалась разрушенной, сохранилась часть сруба и два керамических сосуда. Могила 2 имела берестяное перекрытие, одиночное погребение было компактно расположено в западной части сруба и занимало лишь половину погребального сооружения. На правой тазовой кости находились две тонкие роговые штильки-булавки. В раскопе XII исследована потревоженная грунтовая могила, на дне которой находился трехвенцовый деревянный сруб. Сохранились останки двух погребенных по обряду ингумации и одного по обряду кремации. Внутри сруба обнаружен небольшой фрагмент деревянных ножен и фрагмент стеклянной бусины; за его пределами часть украшенного криволинейным орнаментом сосуда. В раскопе XIII выявлена частично рухнувшая с берегового обрыва грунтовая могильная яма, в которой по обряду ингумации был захоронен взрослый человек. Зафиксированы следы фрагментарно сохранившегося деревянного перекрытия, поверх которого находился череп, тазовая и бедренная кости ног. Под перекрытием, на дне могильной ямы большая часть скелета сохранилась в непотревоженном состоянии. На своде черепа отмечены две аномалии: сохранившийся лобный шов и сквозная эрозия костной ткани на правой части черепа. Находок сопроводительного инвентаря не обнаружено. На основе существующих типологических схем развития археологического материала рассмотренные погребения укладываются в хронологический диапазон I–IV вв. н.э.

Ключевые слова: Республика Хакасия, таштыкская культура, грунтовые могилы, ингумация, кремация, «упакованные» погребения.

**V.S. Zubkov^{1, 2}, O.A. Mitko¹, I.Y. Slyusarenko³✉, Y.V. Shirin⁴,
A.I. Poselyanin², E.V. Gubenko¹, K.S. Burashnikova^{1, 3}**

¹Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russia

²Khakass State University

Abakan, Republic of Khakassia, Russia

³Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia

⁴Institute of Human Ecology at the FRC of CCC SB RAS
Kemerovo, Russia
E-mail: slig1963@yandex.ru

Results of Excavations at the Tashtyk Burial Ground of Tesinsky Zaliv-3 (Bograd District of the Republic of Khakassia) in the Field Season of 2025

This article presents the results of ongoing fieldwork at the rapidly crumbling Tashtyk burial ground of Tesinsky Zaliv-3 located in Bograd District of the Republic of Khakassia. Bones of adult human were found on the rocky beach of the shore from a burial which collapsed from the coastal cliff. Excavation pit VII revealed two ground graves. Grave 1 was destroyed, but a part of the cribwork and two ceramic vessels survived. Grave 2 had a birch bark roof; the single burial was compactly located in the western part of the cribwork and occupied only a half of the burial space. Two thin pins of horn were found on the right pelvic bone. A disturbed ground grave containing a three-layer cribwork on the bottom was discovered in excavation pit XII. The remains of two individuals buried according to inhumation rite and of one cremated person were found. A small fragment of a wooden scabbard and glass bead were inside the cribwork; part of a vessel decorated with curvilinear ornamentation was outside. A partially collapsed grave pit containing remains of adult human buried according to inhumation rite was discovered in excavation pit XIII. Traces of wooden cover in fragmented state with the skull, pelvic bones, and femurs lying on top of it. Most of the skeleton remained intact beneath the cover, at the bottom of the grave pit. Two anomalies were observed on the cranial vault: the preserved frontal suture and through erosion of bone tissue on the right side of the skull. No accompanying grave goods were found. Based on the available typological patterns of archaeological evidence, these burials correspond to the chronological range from the 1st to 4th centuries AD.

Keywords: Republic of Khakassia, Tashtyk culture, ground graves, inhumation, cremation, “packed” burials.

Введение

Могильник Тесинский Залив-3 расположен в Боградском р-не Республики Хакасия на левобережной части Сыдо-Ербинской котловины, в 8 км севернее д. Абакано-Перевоз. Он был открыт в 2012 г. археологическим отрядом под руководством с.н.с. Хакасского отделения ВООПИК канд. ист. наук А.И. Готлиба в ходе мониторинга состояния археологических объектов, расположенных вдоль береговой линии Красноярского водохранилища. Памятник был атрибутирован как таштыкский грунтовый могильник, хотя часть его площади занимают курганы типа чаатас. Начиная с 2017 г. его полевое изучение проводилось Красноярским археологическим отрядом Лаборатории гуманистических исследований Новосибирского государственного университета [Митько и др., 2017, 2018].

Могильник занимает степной участок на небольшом мысу к югу от устья р. Тесь, к востоку от Боярского хребта. С запада он смыкается с могильником тагарской культуры, представленным в основном курганами подгорновского и сарагашенского этапов. На противоположном, левом берегу р. Тесь находится Копенский чаатас с примыкающим к нему с востока большим могильником с курганами раннего железного века и расположенными между ними таштыкскими грунтовыми могилами.

Памятник Тесинский Залив-3 представляет собой компактную группу, состоящую из более восьмидесяти объектов, которые визуально хорошо фиксируются в рельефе поверхности как западины округлой и овальной формы, имеющие различные размеры (в поперечнике 1,5–3,0 м, глубиной 0,4–1,0 м). Западины наблюдаются на площади ок. 160 × 110 м. Они располагаются отдельными группами, включающими разное количество объектов. На периферии отмечены

единичные небольшие задернованные каменные конструкции неясной природы.

Могильник находится в аварийном состоянии, через его центральную часть проходит проселочная дорога, однако основные разрушения фиксируются на восточной окраине. Часть захоронений на краю обрыва обрушилась под воздействием ветровой и водной эрозии, и в последние годы этот процесс приобрел ускоренный характер. По сведениям местных жителей, на берегу реки периодически находили фрагменты сгнивших бревен и отдельные кости человеческих скелетов.

За прошедшие годы по краю береговой линии были заложены две группы последовательно продолжающихся раскопов общей протяженностью ок. 50 м (раскопы I–V и VIII–X). На их площади было выявлено четыре грунтовые могилы: в раскопе II мог. 1, в раскопе IV мог. 2 и 2А и в раскопе VIII мог. 9. Также на площади исследованных раскопов IX и X обнаружен ряд объектов, имеющих, вероятно, ритуальное назначение.

Материалы исследования

В июле–августе 2025 г. работы проводились на площади раскопов VI, VII, XI–XIII, заложенных на восточной окраине могильника вплотную к разрушающемуся берегу. Их общая площадь составила ок. 135 м².

В раскопах VI и XI, являвшихся продолжением раскопов V и X, исследованных в 2021 г., археологические объекты не обнаружены. В раскопе VII, примыкавшем к раскопу VI, было выявлено два захоронения – грунтовые мог. 1 и 2. В рельефе современной дневной поверхности они не фиксировались и на общем плане могильника, составленном в 2017 г., отмечены не были.

Могила 1 оказалась разрушенной: значительная часть могильной ямы вместе с частью сруба обрушилась. Судя по сохранившимся остаткам деревянного сооружения, двухвенцовый сруб с перекрытием из плах, уложенных в поперечном направлении, был впущен в могильную яму, глубина которой составляла 1,25 м от уровня древней поверхности. Сруб ориентирован углами по сторонам горизонта, размеры сохранившейся части: 1,55 (северо-западная стенка) × 1,58 м (юго-западная стенка). У северо-западной стенки, в западном углу сруба в положении *in situ* было зафиксировано два археологически целых сосуда (рис. 1). Сосуд 1 – небольших размеров, вазообразной формы, украшенный криволинейным орнаментом, центральным элементом которого является спираль. Сосуд 2 – также небольших размеров, круглодонный, с утепленным поддоном. Вдоль венчика он украшен типичной для таштыкской керамики орнаментацией в виде парных округлых скобок.

Внутри сохранившейся части сруба останков погребенного не зафиксировано, но снаружи у юго-западной стенки сруба на дне могилы лежала коленная чашечка. Кости скелета взрослого человека были обнаружены под обломками плах перекрытия в рыхлом оползне на склоне обрыва. Компактное, но не анатомическое положение нескольких длинных костей не исключает такую их намеренную укладку в могиле. Обломки черепа в осыпи отсутствовали. На отделенной рукоятке грудины найдена небольшая бронзовая литая пластинка с двумя отверстиями. Других инвентарных находок в осыпи не было.

Могила 2 была выявлена на площади раскопа при его углублении на 0,4–0,5 м до уровня серо-желтой почвы, на котором проявилось пятно могильной ямы, ориентированной по линии ЮВ–СЗ. На глубине 1,0 м от уровня древней поверхности зафиксировано берестяное непотревоженное перекрытие деревянного сруба, поверх которого лежало ребро ягненка. Еще две мелкие косточки и лопатка ягненка встречены в средней части заполнения могилы, вторая лопатка обнаружена под перекрытием.

Рис. 1. Могильник Тесинский Залив-3, раскоп VII, могила 1. Сосуды в западном углу сруба. Фото О.А. Митко.

Одновенцовый сруб под слоем берестяного покрытия имел перекрытие из плах, уложенных в поперечном направлении, ориентирован углами по сторонам света, размеры – 2,21 × 1,02 м. Часть бревен сруба оказалась нарушенной деятельностью грызунов. В центральной части сруба, на берестяном покрытии дна могилы обнаружен фрагмент бронзового изделия в форме небольшого колечка.

Одиночное погребение (предположительно, взрослой женщины) компактно расположено в западной части сруба. Тело, ориентированное головой в западном направлении, было уложено на спину, ребра грудной клетки смещены, лучевые и локтевые кости лежали поверх плечевых костей, мелкие кости кисти и фаланги пальцев находились в районе ключиц. Бедренные кости отделены и лежали головками у ключиц, стопы находились в сочленении с берцовыми

Рис. 2. Могильник Тесинский Залив-3, раскоп VII, могила 2. «Упакованное» погребение человека. Фото О.А. Митко.

костями. Расположение останков позволяет считать, что руки умершей находились в согнутом положении и были с помощью веревок или ремней очень туго притянуты к верхней части тулowiща, что при разложении мягких тканей привело к их смещению. При этом часть ребер уложена поперек позвоночника, что позволяет предположить, что они были намеренно отделены. Очевидно, в такой позе тело было помещено в какую-то емкость и в ней же было похоронено (рис. 2). На правой тазовой кости находились две тонкие роговые шпильки-булавки от головного убора – одна обломана, у другой округлое окончание. Других находок не обнаружено.

В раскопе XII, являвшемся продолжением раскопа XI, исследована одна грунтовая могила. *Могила 1* (могила 14 согласно нумерации общего плана могильника) до начала раскопок на современной дневной поверхности фиксировалась как западина подпрямоугольной формы, глубиной до 0,4 м, ориентированная по линии ЮЗ–СВ. В разрезе и заполнении могильной ямы прослеживались следы проникновения, которое

разрушило берестяное и деревянное перекрытие сруба.

Глубина могильной ямы составила ок. 1,3 м. На дне находился трехвенцовый сруб с перекрытием из бересты и тесаных горбылей (полубревен), уложенных в продольном направлении. Сруб ориентирован углами по сторонам света, размеры – 2,24 × 1,68 м. При разборе костных останков установлено, что в могиле 1 были захоронены два человека по обряду ингумации и один – по обряду кремации. Целостность захоронений полностью нарушена – ребра, позвонки и фрагменты черепов перемешаны и смешены к северо-восточной и юго-западной сторонам сруба. Мелкие кости были задвинуты даже под бревна его восточного угла. Большая часть кальцинированных костей еще одного погребенного также смешена с места своего первоначального расположения.

Внутри сруба у северо-западной стенки зафиксирован небольшой фрагмент деревянного изделия с отверстием. Обломки сосуда с криволинейным орнаментом, аналогичным орнаменту на сосуде 1 из могилы 1 в раскопе VII, находились за пределами сруба, среди

перемещенных через грабительское отверстие в его северо-западной стенке жженых и сырых костей. При промывке грунта из внутренней части сруба была найдена половина стеклянной бусины с металлической прокладкой желтого цвета и небольшой фрагмент мяты металлической фольги желтого цвета. Других находок не обнаружено.

Раскоп XIII расположен на краю обрыва в юго-восточной части могильника. В рельфе современной дневной поверхности археологические объекты не прослеживались. Захоронение человека (могила 1) было зафиксировано по бедренной кости, выступавшей из стенки обрыва, и большой и малой берцовыми костями на каменистом пляже, перекрытым крупными комками земли с дерном из рухнувшей части заполнения могильной ямы. При углублении раскопа на 0,4–0,5 м до уровня серо-желтой почвы было выявлено пятно могильной ямы, ориентированной длинной стороной по линии запад – восток. Размеры могильного сооружения 0,9 × 0,6 м, глубина 0,4 м от уровня древней поверхности. Зафиксированы следы фрагментарно сохранившее-

гося деревянного перекрытия, состоявшего из тонких досок, уложенных поперек могильной ямы. Поверх перекрытия находились череп и левые тазовая и бедренная кости человека. Под перекрытием, на дне могильной ямы большая часть скелета сохранилась в непотревоженном состоянии, лишь верхние ребра грудной клетки были смещены. Тело, ориентированное в западном направлении, было уложено на спину (рис. 3). На своде черепа отмечены две аномалии: сохранившийся лобный шов и сквозная эрозия костной ткани на правой части черепа. Сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила 82. Погребение, совершенное по обряду ингумации, было зафиксировано в 1 м от края обрыва на каменном пляже берега. Отдельные кости скелета (ребра, кости ног и рук, позвонки, фрагмент черепа) лежали компактно и были перекрыты слоем земли и камнями. По сведениям, полученным от местных рыбаков, переахоронение было сделано два года назад, когда после спада высокой воды они обнаружили рухнувшее обломки деревянного сруба и разрозненные кости человеческого скелета. Какие-либо артефакты замечены не были. При разборке земляного перекрытия костей скелета находок сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Для дендрохронологического анализа собраны сохранившиеся фрагменты дерева. Согласно нумерации общего плана могильника, местонахождению костных останков был присвоен номер могилы 82.

Обсуждение результатов

К настоящему времени раскопано менее 10 % общей площади могильника, что не позволяет представить всестороннюю характеристику памятника, вынуждено ограничивая ее лишь отдельными наблюдениями. В данном случае можно сделать некоторые выводы, связанные с социокультурным ранжированием погребенных, разделив их на захороненных в

Рис. 3. Могильник Тесинский Залив-3, раскоп XIII, могила 1. Общий вид погребения.
Фото О.А. Митко.

могильных ямах со срубами и в ямах без деревянных сооружений.

Могила 1 в раскопе VII и могила 1 в раскопе XII (могила 14) выделяются размерами ям и деревянных срубов и наличием керамических сосудов. В одной из них было три погребенных и, судя по обнаруженным остаткам погребального инвентаря – стеклянной бусине с металлической прокладкой и небольшому фрагменту металлической фольги желтого цвета, – на момент совершения данного захоронения его можно, используя редуцированную социальную схему, отнести к «богатым».

В предшествующие годы на памятнике были обнаружены типологически разнообразные наборы

стеклянных и каменных бус, имеющих импортное происхождение [Губенко, 2019]. Их изготовление связано с высокими трудозатратами и использованием специализированных инструментов и оборудования, что позволяет отнести их к престижным предметам [Митько, Бурашникова, Губенко, 2024].

Фрагмент деревянного изделия из могилы 1 в раскопе XII морфологически близок к лопастям моделей ножен кинжалов, известных по находкам в могильниках Оглахты I и Комаркова [Вадецкая, 1999, рис. 21, табл. 52]. Судя по находке в этой же могиле смятого фрагмента тонкого металла, деревянная модель обкладывалась фольгой, что тяготеет к традиции оформления тагарских предметов, для таштыкского времени уже архаичной и, вероятно, сохранившейся в обряде перехода, завершающего жизненный цикл.

Что касается обнаруженной посуды (см. рис. 1), то сосуд 2 из могилы 1 (раскоп VII) с утерянным поддоном типичен для таштыкской керамики. Он украшен вдоль венчика орнаментальным поясом парных округлых скобок. Подобный орнамент и его различные варианты часто встречаются на погребальной посуде из грунтовых могил и склепов [Вадецкая, Поселянин, 2015, рис. 36, 39–42].

Вазовидные орнаментированные сосуды отнесены Э.Б. Вадецкой к единичным; их аналоги встречаются в погребениях на могильнике Салбык I [Вадецкая, 1999, рис. 23, табл. 55, 5]. Стоит отметить, что изображение спирали, обращающейся вокруг оси в 3–4 оборота, наносили на гипсовые маски мумий из могильников Оглахты, Барсучиха IV, Сыры, Тепсей [Там же, рис. 6, I, 48, 4, 49, 4, 54, 4, 5].

Еще одно погребение в срубе существенно отличается от двух предыдущих. Скелет погребенного человека в могиле 2 (раскоп VII) занимает лишь половину площади внутримогильного сооружения. Его поза – на спине, с согнутыми и притянутыми к телу руками и ногами позволяет отнести его к типу «упакованных» погребений. Судя по сохранившимся в анатомическом порядке мелким костям ступни, покойный был в обуви. Расположение двух булавок в районе левой тазовой кости позволяет предположить, что первоначально они были на голове и упали, когда уже «упакованное тело» находилось в вертикальном положении. Булавки относятся к числу наиболее распространенных предметов таштыкской культуры и служат одним из ее маркеров [Тетерин, 2010].

В погребальной практике выявленное в ходе раскопок «упакованное» тело может иметь довольно большое число сочетаний различных положений рук и ног. И.С. Каменецкий, выделивший набор признаков для описания расположения тела, отмечал, что подобная поза погребенного является важным показателем, характеризующим погребальный обряд, включающий очистку костей от мягких тканей и упаковывание или увязывание в подобие продолговатого кокона.

«В общем случае в середине свертка находилась связка длинных костей, с одного конца которых помещался череп, а с другой – тазовые кости. Об очищении костей от тканей свидетельствует плотность их укладки, отсутствие зазоров между ними. Та же плотность расположения костей указывает на то, что кости помещались в мешок или увязывались в ткань». По его мнению, «так поступали с умершими вдалеке от родового кладбища.... Так же могли хоронить людей, умерших в степи в одиночестве, после того как родичи обнаруживали их останки» [Каменецкий, 1986, с. 146–147].

Своеобразной, но в то же время довольно типичной для таштыкской культуры, оказалась ситуация с безынвентарным погребением в могиле 1 (раскоп XIII). Голова, предположительно женщины, была изъята из могилы, через какое-то время возвращена обратно, но положена уже на другое место. Зафиксированное положение черепа в сочетании с его индивидуальными особенностями позволяет предположить, что манипуляции с головой (и левой ногой) женщины, занимавшей в социальной иерархии группы, хоронившей своих умерших на площади могильника, невысокое положение, были связаны с каким-то неизвестным нам ритуалом.

Заключение

На основе существующих типологических схем развития археологического материала рассмотренные погребения укладываются в хронологический диапазон I–IV вв. н.э. [Вадецкая, 1999, с. 67–71]. В то же время раскопки памятника широкими площадями дают возможность применить микрохронологический метод археологического датирования. Дендрохронологическое изучение древесины срубов позволяет выявить последовательность совершения захоронений как на отдельных участках, так и в контексте относительной хронологии всего могильника.

Отметим, что к настоящему времени на основе анализа распределения дат по Оглахтинской дендрошкале зафиксирована хронологическая близость исследованных ранее погребений могильника Тесинский Залив-3 к наиболее ранней группе объектов Оглахтинского некрополя [Гаркуша, Митько, Слюсаренко, 2024, с. 454].

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности, проект № FSUS-2025-0009 (О.А. Митько, Е.В. Губенко), проект НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0005 «Природные условия обитания древнего человека в четвертичном периоде Евразии» (И.Ю. Слюсаренко, К.С. Бурашникова); проект НИР ФИЦ УУХ СО РАН № FWEZ-2024-0021 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древ-

них и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири. 2024–2025 гг.» (Ю.В. Ширин).

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 440 с.

Вадецкая Э.Б., Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр-3. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2015. – 210 с.

Гаркуша Ю.Н., Митько О.А., Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ древесины из могил 2 и 9 таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3 в Боградском районе Республики Хакасия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. – Т. XXX. – С. 448–455.

Губенко Е.В. Находки бус в погребениях таштыкского могильника Тесинский Залив-3 // Мат-лы LIX Рос. археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Благовещенск – Хэйхэ, 8–12 апреля 2019 г. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. педагог. ун-та, 2019. – С. 120–122.

Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда (часть вторая) // Археологические открытия на новостройках. – М.: Наука, 1986. – Вып. 1. – С. 136–194.

Митько О.А., Бурашникова К.С., Губенко Е.В. Экспериментально-трасологическое исследование сверления твердых минералов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2024. – Т. 23, № 3: Археология и этнография. – С. 22–33.

Митько О.А., Скobelев С.Г., Ширин Ю.В., Зубков В.С., Поселянин А.И., Давыдов Р.В., Журавлева Е.А., Половников И.С., Собинов Р.Л. Грунтовый могильник таштыкской культуры Тесинский Залив-3: итоги полевого сезона 2018 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIII. – С. 385–389.

Митько О.А., Худяков Ю.С., Скobelев С.Г., Поселянин А.И., Половников И.С. Начало изучения таштыкского грунтового могильника Тесинский Залив-3 (Боградский район, Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXII. – С. 354–357.

Тетерин Ю.В. Булавки хунно-сарматской эпохи Минусинской котловины // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 7: Археология и этнография. – С. 95–113.

References

Garkusha Y.N., Mitko O.A., Slyusarenko I.Y. Dendrochronological Analysis of Wood from Graves 2 and 9

of the Tashtyk Burial Ground Tesinskiy Zaliv-3 in the Bogradsky District of the Khakassia Republic. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2024. Vol. XXX. P. 448–455. (In Russ.).

Gubenko Y.V. Nakhodki bus v pogrebeniyakh tashtykskogo mogil'nika Tesinskiy Zaliv-3. In *Materialy LIX Rossiyskoy arkheologo-ethnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh*. Blagoveschensk – Kheykhe, 8–12 aprelya 2019 g. Blagoveschensk: Blagoveschensk State Pedagog. Univ. Press, 2019. P. 120–122. (In Russ.).

Kamenetskiy I.S. Kod dlya opisaniya pogrebal'nogo obryada (chast' vtoraya). In *Arkheologicheskiye otkrytiya na novostroykakh*. Moscow: Nauka, 1986. Iss. 1. P. 136–194. (In Russ.).

Mitko O.A., Burashnikova K.S., Gubenko Y.V. Experimental Traceological Research on Drilling Solid Minerals. In *Novosibirsk State Univ. Bull. Ser.: History and Philology*, 2024. Vol. 23, No. 3: Archaeology and Ethnography. P. 22–33. (In Russ.).

Mitko O.A., Khudyakov Y.S., Skobelev S.G., Poselyanin A.I., Polovnikov I.S. Beginning of Research at the Tashtyk Earthen Burial Ground of Tesinsky Zaliv-3 (Bogradsky District, Republic of Khakassia). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. Vol. XXII. P. 354–357. (In Russ.).

Mitko O.A., Skobelev S.G., Shirin Y.V., Zubkov V.S., Poselyanin A.I., Davydov R.V., Zhuravleva E.A., Polovnikov I.S., Sobinov R.L. Tesinsky Zaliv-3 Earthen Burial Ground of the Tashtyk Culture: Results of the Field Season 2018. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. Vol. XXIV. P. 285–289. (In Russ.).

Teterin Y.V. Pins of Hunno-Sarmatian epoch in Minousinsk hollow. In *Novosibirsk State Univ. Bull. Ser.: History and Philology*. 2010. Vol. 9, is. 7: Archeology and Ethnography. P. 95–113. (In Russ.).

Vadetskaya E.B. Tashtykskaya epokha v drevnei istorii Sibiri. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 440 p. (In Russ.).

Vadetskaya E.B., Poselyanin A.I. Tashtykskiy pogrebal'no-pominal'nyy kompleks Belyy Yar-3. Abakan: Khakas Book Publ., 2015. 210 p. (In Russ.).

Зубков В.С. <https://orcid.org/0000-0002-7505-6231>

Митько О.А. <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>

Слюсаренко И.Ю. <https://orcid.org/0000-0002-1243-0900>

Ширин Ю.В. <https://orcid.org/0000-0001-7448-8510>

Поселянин А.И. <https://orcid.org/0000-0001-9746-9291>

Губенко Е.В. <https://orcid.org/0000-0002-1307-6288>

Бурашникова К.С. <https://orcid.org/0009-0003-6208-3251>

Дата сдачи рукописи: 25.10.2025 г.